

УДК 821.135.1(091)"195/199"
ББК 83.3(4Рум)6 022
DOI 10.25281/2072-3156-2023-20-1-86-97

Н.Н. НОСОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ В РУМЫНСКИХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИЗДАНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Николай Николаевич Носов,
Российская государственная библиотека,
научно-исследовательский отдел библиографии,
научный сотрудник
Воздвиженка ул., д. 3/5, Москва, 119019, Россия

ORCID 0000-0001-6079-2677; SPIN 7786-8622
E-mail: Nossov1984@mail.ru

Реферат. В статье рассматриваются румынские русскоязычные издания представителей литературного традиционализма, вышедшие после Второй мировой войны. Раскрываются особенности румынского литературного традиционализма и специфика его отражения крупным журналом «Мысль», являвшимся в период между двумя мировыми войнами основным печатным органом данного направления. Излагается история и ориентир этого журнала. Объясняется усложненное послевоенным политическим курсом отношение к литературе, устремления которой зачастую не совпадали с требованиями времени. Делается заключение о положительных и отрицательных сторонах публикаций литераторов традициона-

листского направления в 1960–1980-е гг., когда позитивной ситуацией стала сама возможность таковых публикаций, а негативной — сокращение за малым числом публикаций значительно большего количества непереиздававшейся части наследия румынского литературного традиционализма. Из круга авторов журнала «Мысль» вычленяются последовательные литераторы-традиционалисты, чьи произведения в послевоенное время были опубликованы в переводах на русский язык. В рамках румынского литературного традиционализма выделяются его основные направления — автохтонизм и экспрессионизм. Анализ различий и сходств между ними подкрепляется рассмотрением текстов произведений представителей обоих направлений, отраженных на русском языке. Делается вывод о сложной трехчастной модели румынского литературного традиционализма, ядром которого является концепт «село», и отмечаются особенности взаимодействия вокруг этого центра всех компонентов данной модели. Актуальность статьи обусловлена малочисленностью и труднодоступностью рассматриваемых материалов ввиду однократности и давних сроков их издания за рубежом, редких публикаций в нашей стране и отсутствия переизданий.

Ключевые слова: румынская литература, межвоенная литература, литературный традиционализм, журнал, Мысль, автохтонизм, экспрессионизм, послевоенные русскоязычные публикации, проза, поэзия.

Для цитирования: Носов Н.Н. Литературный традиционализм в румынских русскоязычных изданиях второй половины XX века // Обсерватория культуры. 2023. Т. 20, № 1. С. 86–97. DOI: 10.25281/2072-3156-2023-20-1-86-97.

Среди балканских стран в XX в. яркую плеяду интеллектуалов с известными именами в период между двумя мировыми войнами дала Румыния. Ныне в России активно издаются переводы трудов мыслителя Эмиля Мишеля Чорана (1911–1995), писателя и религиоведа Мирчи Элиаде (1907–1986) и некоторых других. Обе упомянутые фигуры известны, в частности, своей принадлежностью в межвоенное время к кругу авторов крупного печатного органа «Мысль» (рум. *Gândirea*)¹.

Этот журнал явился, с одной стороны, оплотом традиционалистской мысли в ее специфически румынском преломлении, а с другой — затрагивал авторов различных литературных периодов и направлений, необязательно являвшихся традиционалистами. Журнал был упразднен незадолго до свержения режима маршала Иона Антонеску (1882–1946), 23 августа 1944 г., и если творчество одних авторов, публиковавшихся на его страницах, впоследствии освещалось, то об авторах, не сумевших влиться в новую общественную формацию, умалчивалось дольше. Однако и в этом ряду существовали труднообъяснимые исключения, сведения о которых в настоящее время отыскиваются достаточно непросто, оставляя забытым в русскоязычной среде ряд значимых литераторов с их изданиями. Информация о таких публикациях выявляется при обращении к базе данных «Книги на русском языке, изданные за рубежом, 1927–1991» [2].

Итак, ввиду своеобразной парадоксальности публикаций писателей-традиционалистов в социалистической стране и труднодоступности этих изданий в настоящее время мы наблюдаем культурологический феномен. Настоящая статья ставит целью его освещение с привлечением внимания к зарубежным изданиям румынских традиционалистов на русском языке.

¹ В частности, М. Элиаде упоминал впоследствии «длинное эссе-гибрид “Апология мужества”, которое я студентом опубликовал в “Гындира”» [1, с. 66].

ЖУРНАЛ «МЫСЛЬ» И РУМЫНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ

Журнал «Мысль» (рис. 1) сформировался под влиянием основных общеевропейских художественных течений первой половины XX в. — модернизма и экспрессионизма. Традиционная румынская духовность — православная и фольклорная — переплавляла их в самобытный румынский традиционализм: «Модернисты или даже ультрамодернисты по своей выразительности... включаются в “традиционализм” благодаря их ориентации к местному пейзажу, к национальному историческому прошлому» [3, с. 216]. В. Русу резюмирует суть румынского традиционализма: «Это устремление к бесконечному, к поэзии, нераздельно связанной с родной землей — ...“тоска по родине”... “ностальгия по родителям, по отчужденному дому”, — сопровождающее повсюду нашу жизнь, исходит из противоположностей, определяющих... народное и культурное творчество: оседлость — кочевничество, провинциализм — универсальность. Воспоминания детства или ностальгия по истокам неперестанно и неумолимо возвращают нас в мудрый, радушный, но скрытый мир, более или менее отдаленный от нашего современного общества, имеющий несравненную силу сопротивления — СЕЛО. Это... универсальная идея, вытекающая из анализа всех культур и цивилизаций. Однако она более отчетлива и значительна в румынском обществе, глубоко отмеченном с давних времен до сегодняшнего дня сельской цивилизацией, сельским миром, народным творчеством» [4, с. 27–28].

Журнал «Мысль» возник в Клузе, где издавался до октября 1922 г., после чего выходил в Бухаресте. Журнал выпускался с 1 мая 1921 г. по июль 1944 г. с перерывами в 1925 и между 1933–1934 годами. В первый год он носил заглавие «*Gândirea literară — artistică — socială*»², затем сократившееся до «*Gândirea*». Основателями журнала были писатель Чезар Петреску (1892–1961) и краевед Д.И. Куку, сооснователями — литераторы Адриан Маниу (1891–1968) и Джиб И. Михэеску (настоящее имя Георге; 1894–1935). Ч. Петреску оставался главным редактором «Мысли» до 1928 года. С февраля 1926 г. он разделил редакторство с философом, теологом и поэтом Никифором Крайником (настоящее имя Ион Добре; 1889–1972). С января-февраля 1928 г. Н. Крайник стал возглавлять журнал единолично и внес в издание традицион-

² «Литературная, художественная, социальная мысль» (рум.).



Рис. 1. Обложка первого номера журнала «Литературная, художественная, социальная мысль» = *Gândirea literară – artistică – socială* / red. Cezar Petrescu și D.I. Cucu. Kluj, 1921. № 1. 20 p.

ную румынскую православную ноту с уклоном в национальный мистицизм. Журнал «Мысль» отчасти критиковал «румынское почвенничество... за примитивный этнографизм выражения национальной специфики, предлагал свое, мистическое понимание национального духа через поиск языческих сакральных ориентиров и православие византийского толка» [5, с. 491].

Авторы, принадлежащие к кругу «Гындирия», дали начало понятию «гындиризм», отображавшему общую направленность и стилистику печатного органа и ставшему одним из синонимов румынского литературного традиционализма. Подразумевалась ориентированность литературы на фольклор и этнографию, на сельскую тематику и неприятие современной городской культуры. Гындиризм включал три взаимосвязанных с сельской традицией начала — землю, народность и мысль, скрепляющиеся православием. Важно отметить, что в межвоенной Румынии понятие «традиционализм» отражало не только разновидность мировоззрения, но и соответствующее литературное направление. Таким образом, в настоящей статье под традиционалистами подразумеваются непосредственно авторы-«гындиристы» и в особенности те из них, кто впоследствии не сумел приспособиться к социалистическим преобразованиям.

Внутри группы «гындиристов» обозначились «два основных течения. Правое течение представлял Никифор Крайник. Поставив во главу своей концепции деревенский мир, он считал, что вся румынская культура исторически неразрывно связана с религией и проникнута созидательной силой православия. По мнению Н. Крайника, традиция означает не застой, а живую, динамичную, соответствующую национальной специфике силу, и поэтому Румыния должна оставаться верной своим традициям, чтобы преодолевать выравнивание и единообразие цивилизации, навязываемое Западом. В отличие от Никифора Крайника, известный философ Лучиан Блага предложил более современный подход к вопросу о национальной специфике и путях развития Румынии. Подобно всем «гындиристам», Блага подверг критике современное ему общество со свойственной ему тенденцией к урбанизации» [6, с. 557]. Л. Блага и его последователи представляли берущую исток в экспрессионизме альтернативную сторону румынской поэзии.

В 1944 г. журнал «Мысль» был распущен, спустя три года Н. Крайник был осужден по политическим мотивам и до 1962 г. провел в заключении. Теории его подвергались резким нападкам: в частности, румыно-венгерский социолог Эрнэ Галл (1917–2000) утверждал: «Гындиризм призывает к крестовому походу за очищение румынской культуры... Крайник определяет автохтонизм как духовное наследство, переходящее из поколения в поколение, имеющее корни в родной земле и питающееся... из могил предшествующих поколений. <...> Истинный румынизм, по мнению Крайника, неразрывно связан с ортодоксальной мистикой. Религиозный обскурантизм занимает в гындиризме центральное место. Писания Крайника проникнуты мистико-теологическими мотивами» [цит. по: 7, с. 79–80].

Эти тезисы развивали последующие критики, не смотря на снятие необходимости укладывать свои выводы в идеологические каноны. Так, французская публицистка Александра Ленель-Левастин (р. 1966) отмечала: «Даже движение с религиозной направленностью, такое как влиятельная группа *Gândirea*, которая при своем вожде, профессоре факультета теологии Н. Крайнике, ставила себе задачей стимулировать духовное возрождение православной церкви, скатилось в политический национализм и в расизм» [8, с. 92]. Однако дело с «гындиризмом» обстояло многослойнее, нежели рисует критика, ощущающая себя заведомо свободной от возражений. Наряду с «автохтонным» началом половина каждого из номеров «Мысли» содержала раздел «Хроники», посвященный широким обзорам текущих событий в области отечественной и иностранной литературы и культуры. В основном же разделе публиковались не только румынские, но и зарубежные авторы, в том числе русские: фрагменты произведений и очерки

о Ф.М. Достоевском, И.А. Бунине, стихотворения Д.С. Мережковского, эссе о нем и т. д. Но наиболее характерным подтверждением тому, что искусство представляет собой явление заведомо более диалектическое, нежели идеологические капканы, в которые оно обречено попадать, если на него устремляет взор политика, служит факт, что многочисленные авторы журнала «Мысль» продолжали издаваться в послевоенной Румынии, в том числе в переводах на иностранные языки.

РУМЫНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ В ПОСЛЕВОЕННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИЗДАНИЯХ

Румыния после окончания Второй мировой войны «оказалась в зоне влияния СССР, что позволило установить в стране коммунистический режим. Главой государства становится коммунист Георге Георгиу-Деж (1901–1965), который постепенно включал в советскую идеологию некоторые националистические элементы. Это движение в сторону румынской версии национал-большевизма стало еще более заметным во время правления... Николае Чаушеску (1918–1989). Чаушеску стремится получить независимость от СССР и вводит в румынскую культуру, остающуюся атеистической и материалистической, элементы православия и национализма» [9, с. 269]. Так, одной из первоочередных задач современной румынской литературы Н. Чаушеску провозглашал условие присутствия в ней национальной культурной специфики: «Современное искусство и литература должны сохранять и развивать национальное своеобразие нашей культуры, сложившееся на протяжении времен благодаря мудрости и творческому дару народа, должны быть... “душой души народа”» [10, с. 269]. В этом смысле его требование не противоречит устремлениям румынского традиционализма. Но вместе с тем Н. Чаушеску заявлял: «Однако мы ни на миг не должны забывать, что в обществе еще наблюдаются пережитки устарелых взглядов, унаследованных от эксплуататорских классов, идеалистические, мистические и ретроградные взгляды. <...> Наша идеология, глубоко восприимчивая ко всему передовому, прогрессивному в общественной мысли и в духовном творчестве мира, не может ни в какой форме допустить мирного сосуществования с идеалистическими и мистическими взглядами, с отжившими свой век философскими концепциями» [11, с. 866].

В столь двойственных рамках национальное своеобразие румынской литературы не могло раскрываться в полной мере, однако первое из заявлений Н. Чаушеску по крайней мере позволяло не вычеркнуть из культурного наследия слой предыдущей эпохи всецело, хотя бы фрагментарно сохраняя и даже экспортируя творчество литераторов прежнего периода.

Несмотря на маргинализацию в послевоенной Румынии фигуры самого Н. Крайника, ряд его единомышленников миновала подобная участь. Вынужденное внимание к идеологическим сторонам вопроса принимало в таких случаях обтекаемый характер. Если автор являлся инакомыслящим и упоминание его идейных взглядов представлялось невозможным, они не затрагивались вовсе либо комментировались издали, отвлеченно, в общих словах об абстрактных ценностях, одинаковых для любых идеологий. Таким путем в годы цензуры удавалось не только спастись от забвения, но и открывать старых писателей новому читателю.

Из литераторов круга журнала «Мысль» в послевоенной Румынии на русском языке оказались отражены порядка 35 авторов — отдельными книгами либо в коллективных сборниках. Последовательные литературные традиционалисты среди них — прозаики Василе Войкулеску (1884–1963) и Павел Дан (1907–1937), поэты Октавиан Гога (1881–1938), Лучиан Блага (1895–1961) и Ион Барбу (при рождении Дан Барбилиан; 1895–1961). В. Войкулеску, П. Дан и О. Гога соотносимы с автохтонизмом Н. Крайника, а экспрессионистская основа поэзии Л. Благ и И. Барбу представляет его антиномию.

АВТОХТОНИСТЫ

Хотя В. Войкулеску в 1958–1962 гг. содержался в заключении по делу интеллектуалов объединения *Rugul Aprins*³, уже семь лет спустя его произведения издавались в Румынии на русском языке с предложением «приравнивать Василе Войкулеску к самым выдающимся румынским писателям» [12, с. 6]. Если в начале 1960-х гг. фантастическая сторона творчества П. Дана отметалась в угоду критическому реализму [13, с. 4], то в конце 1980-х гг. она осмыслялась как самодовлеющая. В издании стихотворений, приуроченном к столетию со дня рождения О. Гоги, правоориентированного политического деятеля, в 1937–1938 гг. успешного побывать румынским премьер-министром,

³ «Неопалимая купина» (рум.) — православное исихастское объединение монашествующих и мирян, сформированное в 1945 г. вокруг монастыря св. Анфима Иверского (Бухарест), ставившее целью сохранение веры во времена атеизма, с 1948 г. объявленное вне закона и терпевшее открытые гонения с 1956 года.

отмечается его безусловно положительная роль в деле присоединения Трансильвании к Румынии в 1918 г. [14, с. 3], а стихи его выдаются за «обширную лирическую монографию трансильванского села, рассматриваемого в его “космических” масштабах и в его исторической трагедии» [14, с. 5].

Общими местами у названных литераторов выступают фольклоризм и мотив внутреннего преобразования человека под воздействием сверхъестественных начал, берущих исток в архаичной стихии. Их произведения приближаются к «магическому реализму», поскольку взаимодействующие с героями начала сверхъестественны не сами по себе, а в восприятии персонажей.

Рассказ «Рыбак Амин» В. Войкулеску повествует о вознесении человека через самопознание к вечности. Рыбак-артельщик, оставшийся стеречь водоем, куда речное течение нанесло множество рыбы, одной из которых была невиданная в этих местах белуга, переживает нечто, перечеркивающее будничные нужды: «...в нем вдруг забил второй источник жизни, заглушенный до того повседневным трудом и заботами: воображение. И воображение вдруг наполнило видениями пустыню одиночества и отчаяния, открыло перед ним новые миры и, в награду за еще невиданную отвагу, облекло его в роскошные одежды и помогло постигнуть непостижимое» [12, с. 19]. Воображение приводит героя к внутренней эволюции. Вначале он «проник в первозданные пучины, прошел все извилины развития, с начала всех начал, все видел, все знал, все чувствовал и все понимал... Узкие стенки его существа уже не ограничивали более его» [12, с. 20].

Мысленно вступая в красоты подводного мира, Амин обретает здесь примирение с потерянным раем: «И он вошел в этот рай, оставив время, как слугу, ждать его у порога. Но напрасно оно будет его ждать: он войдет в вечность» [12, с. 20]. Отомкнутая ключом воображения вечность возвращает героя к изначальным формам мировосприятия: «Теперь он знает: это не белуга. Это его легендарный прадед, о котором ему рассказывала бабка. Он поднялся по течению великой реки из других далеких миров, породнился с местными жителями и основал между рукавов Дуная могучий род, род Аминов⁴» [12, с. 20]. Герой решается нарушить условность и проделывает в вольтере брешь: «И фантастическое шествие рыб триумфально развернулось. В середине неслась сказочная белуга, окруженная полчищами глубин, унося на груди своего праправнука, рыбака Амина, в грандиозном апофеозе бессмертной космической легенды, от которой берет свое начало Человек» [12, с. 21].

⁴ Возможно, данный патроним задействован автором не случайно, он восходит к рум. *amin* — «аминь» («истинно») и *aminti* — «вспоминать»: постигая истинную суть предания о происхождении своего рода, герой самоидентифицируется.

Рассказ «Судьба» П. Дана перекликается с рассказом о рыбаке, однако здесь герой скован не монотонностью повседневного труда, а тяжелой болезнью. Отец крестьянского семейства Якоб рассказывает жене и ее брату свой сон: «Я умру в озере в Тэурени. <...> Там мне суждено умереть, там я и умру. Что суждено, то и будет. <...> Будто пришла к нам мать... и села на лавку в красный угол... Одета была в белое. <...> “Пришла я, милоч, сказать, что купила я тебе участок для дома, около озера, в Тэурени”» [15, с. 10–11]. Игнорируя трезвые возражения домочадцев, Якоб воспринимает свой сон как вещий: «Чистые сны, они — от Бога. Мне вот за год до женитьбы приснилась моя суженая, а я еще и не знал ее. А мать... за неделю сказала мне и время, когда умрет» [15, с. 11]. Невзирая на зимнюю ночь, Якоб рвется уйти, как заповедал сон, умирать к отдаленному озеру, но родственники тому препятствуют. Выждав, когда они отвлекутся, герой все-таки покидает дом. Он умирает, но обретает внутреннюю свободу: судьба свершилась.

В других рассказах В. Войкулеску и П. Дана лейтмотивом остается столкновение человека со сверхъестественной силой, воплощенной во встречном существе и неизменно сопряженной с народной архаикой. Эта сила становится для героя проводником к собственным истокам, лежащим за пределами повседневности.

В рассказах В. Войкулеску главный персонаж попадает из современной городской среды в века неизменную сельскую обстановку, являющуюся необходимой декорацией для внутренних преобразований. В «Колдовской любви» скептически относящийся к народным суевериям герой, оказавшись в деревне, становится жертвой своего скептицизма. Поэт, создающий собственную версию «Фауста», он выписывает в воображении образ Маргариты: «...она должна быть много выше героини Гете. <...> Я начал видеть Маргариту неистово святой, если можно так выразиться...» [16, с. 240]. На пике этих грез герой знакомится с местной девушкой, носящей аналогичное имя: воображаемый образ материализуется. Его обожание переходит платонические границы и готово вылиться наружу животной страстью, но девушка не испытывает взаимного чувства. Утрачивая над собой контроль, герой готов решиться на самоубийство, но ему советуют попробовать приворот. Его скепсис разбивается об отчаяние. Он находит знахарку, предупреждающую, что возлюбленная — такая же старуха-колдунья. Герой отмахивается от этого как от предрассудка и позволяет обряду свершиться. Когда он вновь встречается возлюбленную, та предстает перед ним омерзительного вида ведьмой. Суть притчи состоит в том, что воображение, открывающее пути в сверхъестественные сферы, обречено терпеть крах, не сопровождаясь достаточной верой. В отчаянии герой уверовал

в силу приворота, но ему не хватило воли, чтобы поверить в истинное лицо той, к кому он был готов себя привязать.

В рассказе «Подмененное дитя» П. Дана древнее сельское поверье нашло свое выражение в фантастическом сказании «тревоги, страха, ужаса, кошмара, момента пароксизма и — возвращения к действительности, на которую необычный опыт наложил свою печать» [15, с. 6]. Горец-бондарь повествует о своем девятнадцатилетнем сыне: «Малорослый, скрюченный, большеголовый, с... огромной шапкой волос — издали он казался не старше десяти лет. <...> Сидел он неподвижно, как истукан, и только его правая рука ходила взад-вперед с размеренностью маятника» [15, с. 31]. Горец уверяет, что это — подменьш⁵, и вспоминает, как в год рождения сына край охватил такой голод, что, вместо того чтобы возблагодарить Бога за дитя, герой возроптал. Когда в одну из ночей он ушел наловить рыбы, его начал сбивать с дороги необъяснимый страх и чувство постороннего присутствия, переходящее в ощущение зова.

Идя на голос и долго блуждая, горец попадает в сарай, полный младенцев: «Все грудные. И такая их пропасть — ступить некуда. До года ребятишкам, от силы полтора. И все голяком, в чем мать родила. Глаза закатились, лица восковые, лежат и ни гу-гу, некоторые только рукой пошевеливали, вот как этот мой (горец кивнул на сына). А одно дите, правда, плакало. Ревмя ревело, оглохнуть можно было. <...> Вижу, наклонилась тень к детям... Как я вышел оттуда — ничегошеньки не помню. <...> Нашли меня днем, подле хаты, окровавленного, с ребенком на руках. У бабы моей ночью дите исчезло» [15, с. 41]. Горцем отныне владеет навязчивая тяга повстречаться с подменившим ему дитя нечистым. Становясь знахарем, он хотя и обретает над нечистым власть, но от встречи тот всякий раз ускользает: «Как попадется он мне, продержу его до зари. Солнце встанет, кости ему растопит, черные петухи из девяти сел прилетят, глаза ему выключут» [15, с. 46], — завершает повествование герой.

В рассказе В. Войкулеску «Среди волков» герой, судья в некоем глухом краю, оправдывает по делу о незаконной охоте старика по прозвищу Волкарь, слывшего волчьим заклинателем. Окружающие боятся и отвергают его, полагая, что он ведет свой род едва не от оборотней. Волкарь предлагает повествователю стать свидетелем такого «оборотничества». В ночном лесу одетый в волчий тулуп и трубящий в горшок диковинные звуковые модуляции охотник показательно приманивает, а затем отгоняет волчью стаю: «Волкарь перерос себя, он вышел за пределы своего существа, преодолел узкие границы



Рис. 2. Октавиан Гога. Источник: [14]

своей разновидности зверя, чтобы победить волка, понять его и ему уподобиться. Только познав зверя таким образом — магически, он мог подчинить его себе и поработить. То был гигантский подвиг духа, нам уже недоступный. Первобытный колдун становится, таким образом, архетипом волка, великим потусторонним его духом» [16, с. 80]. И презренным оборотнем осмысляется вовсе не Волкарь: «Этот человек, — резюмирует рассказчик, — освищенный и оклеветанный, внушал мне не столько жалость из-за своего одиночества и заброшенности, на которые его обрекло изгнавшее его общество, сколько напряженный интерес: своей дерзостью в борьбе за жизнь, силой, принесшей ему победу над враждебным миром людей, оборачивавшихся для него настоящими зверями» [16, с. 74].

В рассмотренных произведениях за сверхъестественным началом кроется действительность, но настолько изжитая современным человеком, что воспринимается как чудо. Сопричастие чуду происходит путем раскрытия встречного воображения. Назначение этого сопричастия и тяга к нему человека — встреча с вечностью.

Поэзия О. Гоги (рис. 2) отличается тем, что в ней на место героя-человека заступает герой-народ. Лирическое «я» сменяется лирическим «мы». Стихотворение «Пахари» [14, с. 7–9], давая понять, что крестьянское начало от религиозности отделено быть не может, возвращает слову «крестьяне» его изначальное значение — «христиане», тем самым возводя народную общину с земного крестьянского уровня на христианский: «Никто вам труд не облегчает; / Лишь Бог на лоб ваш опаленный / Святой венец свой возлагает, / Из солнечных лучей сплетенный» [14, с. 8]. Мостом между народом и Богом выступает мотив дохристианской народной веры: «Земля вам тайны открывает» [14, с. 7], «Являет-

⁵ Подменьш — «ребенок, подброшенный людям нечистой силой взамен похищенного ею младенца» [17, с. 98].



Рис. 3. Лучиан Блага. Источник: [18]

ся вам Косынзяна»⁶ [14, с. 8]. Таким образом, сам народ-богоносец уподобляется отдельному человеку-герою, эпическому богатырю, мужскому началу, осваивающему трудом земные, а верой космические стихии.

Стихотворение «У нас» [14, с. 10–11] выстроено на противопоставлении природной благодати и народного житейского горя: «У нас — сосновые леса, / Шелка полей богатых, / И столько бабочек в лугах, — / И столько горя в хатах» [14, с. 10]. Но страдание порождает мечту, ради которой народ готов мириться с бедами. Несмотря на то что «Умерли за ту мечту / У нас отцы и деды...» [13, с. 11], именно она продлевает в поколениях желание жить. Предмет мечты нарочито не выражен — в данном случае необходима сама устремленность к мечте, упование: «А мы... Стеная с давних лет, / В заботе беспросветной, / Слезами орошаем мы / Тщету мечты заветной» [14, с. 11].

Стихотворение «Наше» [14, с. 17–19] словно подхватывает предыдущую тему в соборной мольбе о ниспослании народу освободителя, чей образ уподобляется в небесном аспекте солнцу, а в земном — национальному герою святому Стефану III Великому (1429–1504). Но идеальный государь является не просто свыше, а возникает из слияния солнца с народным упованием: «Что ж, пусть наши жены и стонут и плачут, / Пусть слезный поток побежит, / Затопит поля, перехлынет за горы, / Омоем твой меч и твой щит. / Тогда их возьмет тот, кого, милосерд-

⁶ Ильяна Косынзяна — румынское переосмысление римской лунной богини Дианы, впоследствии героиня народных сказок, освобожденная от змеева плена богатырем Фэт-Фрумосом.

ный, / Пошлешь Ты с небес высоты, / Чтоб княжил над нами, прекрасный и юный, / Отважный и сильный, как Ты» [14, с. 19]. Сочетание в образе государя небесного (божественного, солярного) и земного (историко-эпического) начал присуще не политической прагматике, а исконно народной психологии, попасть в унисон с которой стремится индивидуальность поэта.

Наконец, стихотворение «Лэутар»⁷ [14, с. 20–21] повествует о мифической свадьбе народа и солнца, где солнце вновь олицетворяет божественную вечность. Но процесс пути к этой незыблемости пролегает сквозь страдания и испытания, налагаемые на себя народом. Автором они выражаются в образе скрипичной игры лэутара, пробуждающей от ночного сна окружающую природу, для рассветной встречи которой с солнцем никаких преград не существует: природа и солнце — части единого космоса. Страдания народа — его самосознание. Ощущая себя частью природы, народ вслед за ней достигает единения с солнцем, в котором песня страдания обращается свадебным гимном.

Отдельные стихотворения О. Гоги подобны ступеням единого поэтического повествования, в свете чего справедливы слова критика: «Его поэзия как отображение глубочайших чувств румынского народа является героической элегией» [14, с. 5].

ЭКСПРЕССИОНИСТЫ

Творчество ряда поэтов журнала «Мысль», представленных послевоенными русскоязычными публикациями, самыми корнями уходит, равно как и творчество автохтонистов, в понятие села, а зримые начала черпает в экспрессионизме. В творчестве Л. Блага «экспрессионизм прежде всего повлиял на формирование поэтического языка и на философско-эстетическую теорию. <...> Й. Барбу, поэт и математик, оценил в экспрессионизме особую ритмическую остроту, гротесковость, жесткость, обостренность образа» [5, с. 491–492].

Румынские русскоязычные публикации Л. Блага (рис. 3), не печатавшегося с 1943 по 1962 г., приурочены к 80-летию [18; 19] и 90-летию [20] со дня его рождения. Основное внимание уделялось поэтическому наследию, претерпевшему сложную трехчастную эволюцию. «Сформировавшись в духовном климате села, где в большой чести еще были старинные обычаи, традиции, Лучиан Блага сумел раскрыть в архаичном фольклоре глубокие, постоянные, общечеловеческие смыслы и собственными средствами возродить их к жизни» [19, с. 4], начав с «шумного нищееанства», экспрессионистского «панизма»

⁷ Лэутар — традиционный румынский музыкант и певец.

и «дионисийства». Сквозь «метафизическую грусть», обусловленную чувством непознаваемости «от невозможности проникнуть в трансцендентальный мир» [18, с. 42], он замыкает круг просветлением поэзии «в смысле ее “углубления в более человеческое”» [18, с. 46]. На протяжении всех этапов творчества Л. Блага присуща фаустианская тяга к сопричастию «Великому Анониму», сменяется лишь фокус восприятия. В поэтике Л. Блага «способность мыслить мир в метафорах господствует безраздельно. Ведущие темы его лирики — эрос, природа, время, творчество — разработаны с позиции сенсуалиста, остро соперничающего со скептиком, осознавшего пределы человеческого познания» [20, с. 4].

Поэзия И. Барбу (рис. 4) аналогично «вдохновлялась от балканского фольклора и древней мифологии» [3, с. 216] и тоже претерпела трехуровневую эволюцию, хотя иного рода. Через условный парнасизм⁸ и последующую увлеченность турецкой экзотикой она пришла к подлинному герметизму, достигшему полноты выражения в сборнике «Игра вторичных форм» (1930): И. Барбу «практиковал абсолютный лиризм... его имя стоит во главе списка первых успешных опытов герметизма» [21, с. 21].

Но Л. Блага усматривал в таком герметизме попытку создания «суррогата тайны» после утраты стихотворцами связи с тайнами подлинными и великими. Существенное различие пролегает и во взглядах Л. Блага и И. Барбу на содержательную сторону поэзии. Согласно агностику Л. Блага, словесное выражение смыслового содержания (высказываемость) представляется невозможным настолько, что тема эта стала отдельным мотивом, отраженным во многих его стихотворениях⁹. Он не случайно открывает свою «Летопись и песнь возрастов» — «воспоминания о годах детства, юности и молодости» [20, с. 4] — повествованием о своей «загадочной немоте» [20, с. 5] до четырехлетнего возраста, так как именно она наложила отпечаток на последующий его агностицизм и навеяла сравнения с исихазмом. Возможность высказываемости Л. Блага обретает лишь в метафоре: «Человек, который вынужден выражать конкретный мир через абстрактные понятия, что ведет, в конце концов, к бесконечному процессу, создает себе возможность для не прямой передачи конкретного — метафору» [22].

В это время И. Барбу, подобно русским акмеистам, постулирует геометрически ясную выстраиваемость высказывания, «и совершенно так же, как

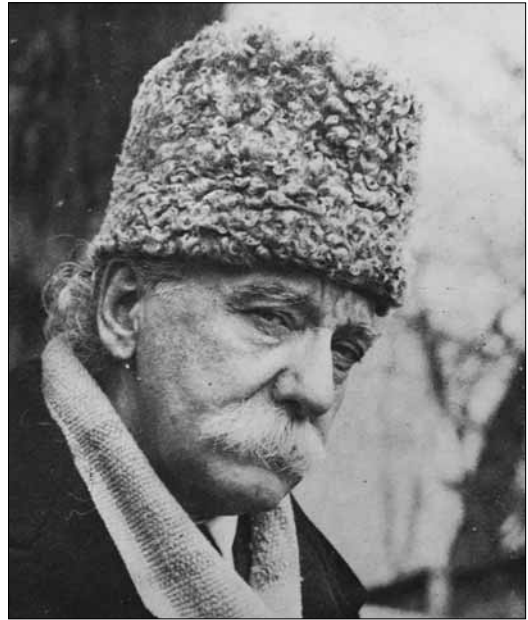


Рис. 4. Ион Барбу. Источник: [21]

и физическое явление, поэзия допускает механическую модель, а само состояние отключенности и поэтической мечтательности может быть сведено к рациональной модели» [21, с. 251]. Но в дальнейшем И. Барбу утверждает герметизирующую произведение множественность его толкований. Таким образом, с полярных сторон поэты приходят к единому результату (что в итоге и позволяет объединять обоих в отдельную группу в рамках румынского литературного традиционализма): возможность прямого высказывания для Л. Блага отменяется косвенной сущностью метафоры, а для И. Барбу теряется во множественности толкований.

Разнонаправлены и решения обоими авторами общих поэтических тем. Для Л. Блага «Пан умер» — символ язычества, метафора детства, чуда омрачается невозвратностью: «взросление», развитие отсекает восприятие от его архаичных форм; архаику остается только с печалью созерцать. Этот мотив выражен в цикле «Смерть Пана», где тот, например, замечает на спине своего приятеля-паука крест: «От боли вздрогнул он: / Паук крещен» [18, с. 171]. И. Барбу противопоставляет «осени пантеизма» Л. Блага его грядущую дионисийскую вакханалию: «Мы выйдем на просторы кипучей, яркой жизни, / К ее груди прильнем мы, могучей как гранит... / Мы спустимся в мир пылкой, неистовой Цибелы...¹⁰ / И прикоснемся к бедрам всесветной женской силы... / И разнесется хохот вселенского накала» [21, с. 55]. Более того,

⁸ Парнасизм — поэтическое направление (изначально французское), противопоставляющее себя некоторым клише романтизма: чувственности — точность, вдохновению — мастерство, личности автора — безличность красоты произведения, авторской гражданской позиции — искусство ради искусства.

⁹ «Тайна замыслившего», «Больные музыканты», «Четвероштыше», «Улисс», «Эдип перед сфинксом», «Алхимия» [18, с. 191, 215, 273, 279, 283, 393].

¹⁰ Цибела (Кибела) — фригийская богиня-прародительница всего сущего, олицетворяющая мать-природу и плодородие, в служение которой фракийцами (предками части современных балканских народов) был введен элемент культа Диониса.

И. Барбу открыто провозглашает языческое начало в основании человеческого духа: «Почему бы Поэзии не стать смыслом, хозяином этих неизведанных сил дохристианского периода? <...> Пусть она будет древней поэзией, поэзией лесных сказок. Она правомейнее и здоровее, чем невеста какая напыщенная грусть юношей, преждевременно утративших надежды» [21, с. 257–258].

Так, в стихах И. Барбу едва сдерживавшаяся в скалах лава буйно изливается наружу и, выискиваясь, достигает самых небес [21, с. 47], в то время как замкнутый «...В огромном гроте, / Где небо — свод» [18, с. 115] сталактит Л. Благих олицетворяет окаменелость духа, в котором, в свою очередь, костенеют стекающие с небосвода капли света и мира. Эта негласная полемика и к единению приходит с противоположных сторон. Если у И. Барбу дерево, полнокровно прожив свой век, умирает, но и умирает лишь для того, чтобы войти в «созвучия с вселенной» [21, с. 51], то у Л. Благих дерево вырастает из могилы лирического героя, как жизнь из смерти: «И сочные созревшие плоды / Мне на могилу грузно падают, сорвавшись / С густого дерева, / Что из меня растет» [21, с. 148]. Образ дерева в обоих стихотворениях не случаен: со времен Тудора Аргези (настоящее имя Ион Теодореску; 1880–1967) оно является для румынской литературы символом поэзии. Итак, если для Л. Благих полнотелая поэтическая высказываемость достижима лишь за пределами человеческого существования, то для И. Барбу она возможна при жизни — в условиях, что жизнь эта сродни дионисийскому священному буйству.

Румынский традиционализм представляет собой литературное направление в рамках одноименного мировоззрения, специфическим ядром которого выступает понятие «село», окруженное триадой атомов: «земля», «народность» и «мысль». «Земля» и «народность» в совокупности реализуют исконное «языческое» начало. Мысль синонимична воображению. «Село» — хтоническое, дионисийское начало наряду с покрывающим модель ядра и атомов православием — началом небесным, христианским. Литературный традиционализм развивается в двух направлениях: автохтонизма и экспрессионизма. Оба они производятся из одного ядра, но с разных сторон преследуют единую для традиционализма цель: упразднение воображением материалистических границ и слияние земного начала с небесным, человеческого с вечным. В отличие от автохтонизма, экспрессионизм ставит себя перед экзистенциальной проблемой словесной невысказываемости и подходит к ней с различных сторон: использования метафоры либо допущения множественности толкований (герметизм).

Немногочисленные послевоенные обращения к творческому наследию румынских литературных

традиционалистов подготовили почву для их переосмысления в последней четверти XX века. «При этом все более очевидно обнаруживается идейная преемственность традиционализма 1970–1980-х годов с теми течениями в румынской культуре межвоенного периода, которые соприкасались с национально ориентированными, в том числе националистическими, течениями. Одно из них — трэризм (трэире — жить). Являясь вариантом философии жизни, трэризм утверждал преобладание инстинктивной, подсознательной жизни над разумом» [23, с. 45]. Последнее заключение применимо и к межвоенному литературному традиционализму, различными путями лишь развивавшему неписанные формы восприятия, в отличие от позднейших направлений литературы, основой которых провозглашался неизменный приоритет рассудка.

С начала 1980-х гг. негативные упоминания журнала «Мысль» и некоторых его участников постепенно сменяются на нейтральные или доброжелательные: «гындиристы» все чаще изображаются жертвами своего времени, которым «военная диктатура И. Антонеску (1940–1944 гг.) нанесла огромный ущерб... запрещая публикации, введя жестокую цензуру, начав гонения против интеллигентов-неконформистов» [3, с. 217]. Многим из них в кратких характеристиках возвращается доброе имя: такие литераторы, как В. Войкулеску, «остались верны традиционному выражению» [3, с. 216]; «Октавиан Гога... был пламенным защитником национальных прав румын-трансильванцев» [3, с. 217], «поэтом “румынских страданий”» [3, с. 219]. Лучиан Блага — «философ, один из оригинальнейших поэтов первой половины XX века»; Ион Барбу — «математик, но и крупный оригинальный поэт» [3, с. 216]. Давая итоговую характеристику румынской литературе XX в., М.В. Фридман выделяет в качестве общего признака всех основных ее направлений мифотворчество. В этих рамках он сопоставляет результаты положительного и негативного восприятия традиционализма и заключает, что с движением «гындиристов» связано «торжество дионисийского начала в истории румынской духовности» [24, с. 193], а предметом внимания его представителей является «“инфраистория” народа, глубинный пласт его жизни, который недоступен трезвой оценке научного знания» [24, с. 193].

Между тем нельзя не принимать во внимание, что румынский литературный традиционализм, будучи потесненным оппозиционной его идеям идеологией, приоткрывался читателю крайне незначительно, потому как под видом обнародования меньшей части его наследия утаивалась большая: «Лицемерная и двойственная политика Чаушеску на самом деле способствовала разрушению подлинных ценностей национальной культуры. Это выражалось и в прямом их уничтожении, и в сокрытии этих цен-

ностей от тех, кому они предназначались. Часть произведений уходит на полку, в стол, в домашние запасы» [23, с. 46–47]. В русскоязычной читательской среде положения не спасало и обращение к румынской литературе советских составителей и издателей: редкие публикации писателей-традиционалистов носили тенденциозный характер и не переиздавались. Пострадавший за религиозные убеждения В. Войкулеску преподносился в качестве антиклерикального писателя [16, с. 7], не чуждавшийся мистицизма П. Дан изображался как критический реалист [25]. Отдельных отечественных изданий О. Гоги, Л. Благи и И. Барбу не существует. Значительная часть традиционалистских литераторов журнала «Мысль» не переведена на русский язык до сих пор.

Список источников

1. *Элиаде М.* Посулы равноденствия : мемуары. Т. I: (1907–1937) ; Жатва солнцеворота : мемуары. Т. II: (1937–1960) / [пер. с рум. А. Старостиной]. Москва : Критерион, 2008. 460 с.
2. База данных «Книги на русском языке, изданные за рубежом, 1927–1991» // Российская государственная библиотека : офиц. сайт. URL: http://infoculture.rsl.ru/_RSKD/_database/RUZAR/RUZAR_main.htm (дата обращения: 19.12.2022).
3. Социалистическая Республика Румыния / авт. текстов: Е. Албеску, И. Барбадору, Дж. Калцати [и др.] ; под ред. А. Алберти ; Институт исторических и социально-политических исследований при ЦК РКП. Милан : Календаро, [1981]. 357 с.
4. *Русу В.* Румынский язык. Язык, литература, цивилизация = Limba română. Кишинэу : Grai și Suflet Revista «Limba română», 1997. 211 с.
5. Энциклопедический словарь экспрессионизма / [гл. ред. П.М. Топер]. Москва : ИМЛИ РАН, 2008. 734 с.
6. История Румынии / [С. Андя и др.] ; [ред. Ковалев В.Н.] ; [пер. с рум.: В. Вэратик, В.Н. Мищенко, Н.Н. Чуканова] ; координаторы И.-А. Поп, И. Болован. Москва : Весь мир, 2005. 678 с. (Национальная история).
7. Проблемы философии : сборник работ современных румынских философов : пер. с рум. Москва : Изд-во иностранной литературы ; Бухарест : Меридианы, 1960. 435 с.
8. *Ленель-Левастин А.* Забытый фашизм: Ионеско, Элиаде, Чоран / [пер. с фр. Е.П. Островской]. Москва : Прогресс-Традиция, 2007. 527 с.
9. *Дугин А.Г.* Ноомахия. Войны ума. Неславянские горизонты Восточной Европы. Песнь упыря и голос глубин. Москва : Академический проект, 2018. 615 с.
10. *Чаушеску Н.* Искусство и литература. Бухарест : Editura politică, 1984. 315 с. (Общественно-политическая мысль Президента Румынии).
11. *Чаушеску Н.* Достижения и перспективы Румынии : доклады, речи, статьи. Июль 1965 — февраль 1969 : избранные тексты. Бухарест : Меридиане, 1969. 1109 с.
12. *Войкулеску В.* Белый дьявол : [рассказы] / пер. Н. Строе ; предисл. М. Лазар. Бухарест, 1969. 40 с. (Библиотека «Румыния» ; № 2).
13. *Дан П.* Похороны старого Уркана / пер. А. Костина ; предисл. Б. Элвина. Бухарест : Редакция «Народная Румыния», 1963. 38 с. (Библиотека «Народная Румыния» ; № 6).
14. *Гога О.* Стихи / пер. И.Г. Гуровой, С.В. Шервинского, Н. Богдан [и др.] ; предисл. Д.А. Кондееску. Бухарест : Редакция «Румыния», 1981. 36 с. (Библиотека «Румыния» ; № 3).
15. *Дан П.* Судьба / пер. И. Вырста, Н. Николау ; предисл. С. Крайя. Бухарест : Редакция «Румыния», 1988. 47 с. (Библиотека «Румыния» ; № 9).
16. *Войкулеску В.* Монастырские утехы : рассказы / пер. с рум. [и сост. Т.Э. Ивановой] ; [предисл. Ю.А. Кожевникова]. Москва : Прогресс, 1971. 304 с.
17. Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. Т. 4. П (Переправа через воду) — С (Сито) / Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики ; под общ. ред. Н.И. Толстого. Москва : Международные отношения, 2009. 649 с.
18. *Блага Л.* Нехоженные ступени = Ne bănuitele trepte : сборник стихов : издание с двуязычным текстом / пер. Ю.А. Кожевникова ; предисл. В. Кристи. Бухарест : Минерва, 1975. 393 с.
19. *Блага Л.* Поэмы света / пер. Ю.А. Кожевникова ; предисл. Д. Мику. Бухарест : Редакция «Румыния», 1975. 47 с. (Библиотека «Румыния» ; № 1).
20. *Блага Л.* Летопись и песнь возрастов : [мемуары: отрывки] / пер. Н. Николаевой ; предисл. В.Ф. Михэеску. Бухарест : Редакция «Румыния», 1985. 48 с. (Библиотека «Румыния» ; № 6).
21. *Барбу И.* Стихи = Rœzii : издание с румынско-русским текстом / пер., вступ. и примеч. Н. Пэдуре ; предисл. М. Чобану. Бухарест : Минерва, 1982. 266 с.
22. *Бовдунов А.Л.* Философский космоид Лучиана Благи // Евразийский союз молодежи : сайт. URL: <http://rossia3.ru/politics/russia/blaga> (дата обращения: 19.12.2022).
23. *Биткова Т.Г.* Румынский европеизм и проблема национальной идентичности (современная ситуация в историческом контексте) : аналитический обзор / отв. ред. Л.Н. Шаншиева ; Российская академия наук, Институт научной информации по общественным наукам. Москва, 2020. 131 с. (Проблемы общественной трансформации в странах Восточной Европы и России).
24. *Фридман М.В.* Миф и псевдомиф в румынской литературе XX в. // Итоги литературного развития в XX веке в проблемно-типологическом освещении: Центральная и Юго-Восточная Европа / Российская академия наук, Институт славяноведения. Москва : Индрик, 2006. С. 178–215.
25. *Дан П.* Избранное / пер. с рум. М. Ландмана, С. Флоринцевой. Москва : Художественная литература, 1986. 267 с.

Literary Traditionalism in Romanian Russian-Language Publications of the Second Half of the 20th Century

Nikolay N. Nosov

Russian State Library, 3/5, Vozdvizhenka Str., Moscow,
119019, Russia

ORCID 0000-0001-6079-2677; SPIN 7786-8622

E-mail: nossov1984@mail.ru

Abstract. *The author examines Romanian Russian-language publications by the representatives of literary traditionalism issued after the Second World War. The article reveals the features of Romanian literary traditionalism and the specifics of its reflection in the large magazine “Mysl”, which was the main printing body of this trend in the period between the two World wars. The article presents the history and landmarks of this magazine. The author explains complicated post-war political course attitude towards literature, aspirations of which often did not coincide with the requirements of the time. The paper concludes about the positive and negative sides of the publications of traditionalist writers in the 1960s — 1980s, where the very possibility of such publications was a positive event, and the negative one was the concealment of a much larger number of unpublished parts of the heritage of Romanian literary traditionalism behind a small number of publications. From the circle of authors of the “Mysl” magazine, successive traditionalist writers are singled out, whose works in the post-war period were published in translations into Russian. Within the framework of Romanian literary traditionalism, the author distinguishes its main directions — autochthonism and expressionism. The analysis of the differences and similarities between them is supported by the consideration of the texts of the works of representatives of both directions, reflected in Russian translations. The paper concludes on the complex three-part model of Romanian literary traditionalism, the core of which is the concept of “village”; and the author highlights the features of interaction of all the components around the centre of this model. The relevance of the article is due to the small number and inaccessibility of these publications caused by the one-time and olden publications abroad, rare publications in our country and the lack of republications.*

Key words: Romanian literature, inter-war literature, literary traditionalism, magazine, “Mysl” (Thought), autochthonism, expressionism, post-war Russian-language publications, prose, poetry.

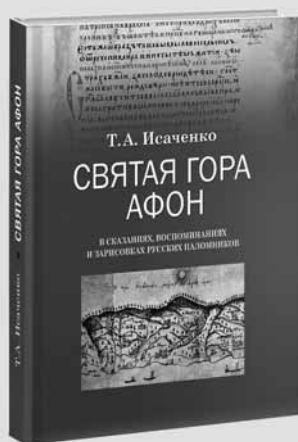
Citation: Nosov N.N. Literary Traditionalism in Romanian Russian-Language Publications of the Second Half of the 20th Century, *Observatory of Culture*, 2023, vol. 20, no. 1, pp. 86–97. DOI: 10.25281/2072-3156-2023-20-1-86-97.

References

1. Eliade M. *Posuly ravnodenstviya: memuary*. T. I: (1907–1937); *Zhatva solntsevorota: memuary*. T. II: (1937–1960) [The Promises of the Equinox: memoirs. Vol. 1: (1907–1937), Harvest of the Solstice: memoirs. Vol. 2: (1937–1960)]. Moscow, Kriterion Publ., 2008, 460 p.
2. Database “Books in Russian Published Abroad, 1927–1991”, *Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka: ofits. sait* [Russian State Library: official website]. Available at: http://infoculture.rsl.ru/_RSKD/_database/RUZAR/RUZAR_main.htm (accessed 19.12.2022) (in Russ.).
3. Albesku E., Barbadoro I., Kaltsati Dzh. et al. *Sotsialisticheskaya Respublika Rumyniya* [The Socialist Republic of Romania]. Milan, Kalendario Publ., 1981, 357 p.
4. Rusu V. *Rumynskii yazyk. Yazyk, literatura, tsivilizatsiya* [Romanian Language. Language, Literature, Civilization]. Kishinev, Grai și Suflet Revista “Limba română” Publ., 1997, 211 p.
5. Toper P.M. (ed.) *Ehntsiklopedicheskii slovar' ehkspressionizma* [Encyclopedic Dictionary of Expressionism]. Moscow, IWL RAS Publ., 2008, 734 p.
6. Andya S. et al. *Istoriya Rumynii* [History of Romania]. Moscow, Ves Mir Publ., 2005, 678 p. (National History).
7. *Problemy filosofii: sbornik rabot sovremennykh rumynskikh filosofov: per. s rum.* [Problems of Philosophy: Collection of Works by Modern Romanian Philosophers: trans. from Romanian]. Moscow, Foreign Languages Publ., Bucharest, Meridiane Publ., 1960, 435 p.
8. Lenel-Levastin A. *Zabytyi fashizm: Ionesko, Ehliade, Choran* [Forgotten Fascism: Ionesco, Eliade, Cioran]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2007, 527 p.
9. Dugin A.G. *Noomakhia. Voyny uma. Neslavyanskii gorizonty Vostochnoi Evropy. Pesn' upyrya i golos glubin* [Noomakhia. Wars of the Mind. The Non-Slavic Horizons of Eastern Europe: The Song of the Vampire and the Voice of the Depths]. Moscow, Academic Project Publ., 2018, 615 p.
10. Ceausescu N. *Iskusstvo i literatura* [Art and Literature]. Bucharest, Editura Politică Publ., 1984, 315 p. (Socio-Political Thought of Romania's President).
11. Ceausescu N. *Dostizheniya i perspektivy Rumynii: doklady, rechi, stat'i. Iyul' 1965 — fevral' 1969: izbrannye teksty* [Achievements and Prospects of Romania: Reports, Speeches, Articles. July 1965 — February 1969: selected texts]. Bucharest, Meridiane Publ., 1969, 1109 p.
12. Voiculescu V. *Belyi d'yavol: rasskazy* [The White Devil: stories]. Bucharest, 1969, 40 p. (Library “Romania”, no. 2).
13. Dan P. *Pokhorony starogo Urkana* [Funeral of the Old Urkan]. Bucharest, Narodnaya Rumyniya Publ., 1963, 38 p. (Library “People's Romania”, no. 6).
14. Goga O. *Stikhi* [Poems]. Bucharest, Rumyniya Publ., 1981, 36 p. (Library “Romania”, no. 3).
15. Dan P. *Sud'ba* [Destiny]. Bucharest, Rumyniya Publ., 1988, 47 p. (Library “Romania”, no. 9).

16. Voiculescu V. *Monastyrskie utekhi: rasskazy* [Monastic Pleasures: stories]. Moscow, Progress, 1971, 304 p.
17. Tolstoy N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: Ehtnolingvisticheskii slovar': v 5 t. T. 4. P (Pereprava cherez vodu) — S (Sito)* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary: in 5 volumes. Vol. 4. P (Crossing the River) — S (Sieve)]. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 2009, 649 p.
18. Blaga L. *Nekhozhenye stupeni = Ne bănuitele trepte: sbornik stihov: izdanie s dvuyazychnym tekstem* [Unsuspected Steps = Ne bănuitele trepte: collection of poems: bilingual edition]. Bucharest, Minerva Publ., 1975, 393 p.
19. Blaga L. *Poehmy sveta* [Poems of Light]. Bucharest, Rumyniya Publ., 1975, 47 p. (Library "Romania", no. 1).
20. Blaga L. *Letopis' i pesn' vozrastov: memuary: otryvki* [The Chronicle and Song of Ages: memoirs, life fragments]. Bucharest, Rumyniya Publ., 1985, 48 p. (Library "Romania", no. 6).
21. Barbu I. *Stikhi = Poezii: izdanie s rumynsko-russkim tekstem* [Poems = Poezii: bilingual edition Russian and Romanian]. Bucharest, Minerva, 1982, 266 p.
22. Bovdunov A.L. Philosophical Cosmoid by Lucian Blaga, *Evrasiiskii soyuz molodezhi: sait* [Eurasian Youth Union: website]. Available at: <http://rossia3.ru/politics/russia/blaga> (accessed 19.12.2022) (in Russ.).
23. Bitkova T.G. *Rumynskii evropeizm i problema natsional'noi identichnosti (sovremennaya situatsiya v istoricheskom kontekste): analiticheskii obzor* [Romanian Europeanism and the Problem of National Identity (Contemporary Situation in a Historical Context): analytical review]. Moscow, 2020, 131 p. (Problems of Social Transformation in Eastern Europe and Russia).
24. Fridman M.V. Myth and Pseudo-Myth in the Romanian Literature of the 20th Century, *Itogi literaturnogo razvitiya v XX veke v problemno-tipologicheskom osveshchenii: Tsentral'naya i Yugo-Vostochnaya Evropa* [Results of Literary Development in the 20th Century in the Problem-Typological Coverage. Central and Southeastern Europe]. Moscow, Indrik Publ., 2006, p. 178–215 (in Russ.).
25. Dan P. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1986, 267 p.

НОВИНКА



Исаченко Т.А. Святая гора Афон в сказаниях, воспоминаниях и зарисовках русских паломников XVI–XIX веков / Т.А. Исаченко ; Российская гос. б-ка. Москва : Пашков дом, 2023. 443, [1] с. : ил.

В новой работе доктора филологических наук, лауреата Макариевской премии, главного научного сотрудника Центра исследования проблем развития библиотек Российской государственной библиотеки Татьяны Александровны Исаченко рассматриваются источники, вывезенные с Афона на Русь или составленные на Афоне, переписанные в русских монастырях и записанные по «расспросным речам» со слов афонских монахов. Особое внимание уделено автографам XVII в. — чудовского иеродиакона Дамаскина и его «Сказанию», «Проскинитарию» Иоанна Комнина Моливда, редкому автографу преподобного Паисия Величковского, обнаруженному в собрании Е.В. Барсова, афонским текстам в библиотеках наместников Свято-Троицкой Сергиевой лавры Антония (Медведева) и Леонида (Кавелина). Значительный ряд документов публикуется впервые.

Приобрести книгу:

119019, Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5

Российская государственная библиотека, издательство «Пашков дом»

Тел.: +7 (495) 695-59-53, +7 (499) 557-04-70*26-46

E-mail: Pashkov_Dom@rsl.ru, sale.pashkov_dom@rsl.ru

Книжный магазин РГБ: главное здание, 3-й подъезд

Сайт: www.rsl.ru/pashkovdom